

шая для захоронения 12 человек. Помимо бронзовых меча и кинжала и стеатитовой печатки, инвентарь ограничивался маленькой амфорой и еще несколькими мелкими предметами. В Фарсале под стенкой купольной гробницы конца архаической эпохи открыто микенское погребение прямоугольной формы, сооруженное из мелких камней. В нем находились железная задвижка и гвозди¹. В непосредственной близости было обнаружено еще два погребения того же времени. Эти находки, доказывающие, что Фарсал уже был заселен в ту отдаленную эпоху, позволяют отождествить его с гомеровской Фтией.

Нет никакого сомнения, что полная научная публикация всего вновь полученного материала значительно углубит и расширит наши знания о микенском обществе и его культуре.

И. С. Кацнельсон

О периоде эллинизма в Северном Причерноморье

В марте 1955 г. на заседании Ученого совета Института истории материальной культуры АН СССР состоялось обсуждение проблемы развития Северного Причерноморья в эллинистическое время. В работе приняли участие научные сотрудники Института истории материальной культуры и Института истории АН СССР, а также Московского университета, музеев и других научно-педагогических учреждений Москвы и Ленинграда.

Доклад «О периоде эллинизма в Северном Причерноморье» сделал проф. В. Д. Блаватский.

Проблемы сущности эллинизма, хронологических рамок и границ эллинистического мира в Средиземноморье подвергались обсуждению на предыдущей дискуссии в Московском университете (весной 1953 г.), период же эллинизма в Северном Причерноморье не получил надлежащей разработки; поэтому докладчик поставил принципиальные вопросы о своеобразии исторического процесса в Северном Причерноморье и вместе с тем о его сходстве и отличии в сравнении с развитием стран Средиземноморья. В. Д. Блаватский обосновал положение, выдвинутое ранее С. А. Жебелевым, но в дальнейшем не развитое, — о том, что Боспор стал государством эллинистического типа со времени Левкона I. Условия существования античных государств Северного Причерноморья, особенно Боспора, с раннего времени находившегося в тесном контакте с местными племенами, отличаясь от условий развития полисов Балканского полуострова, находят некоторые параллели в истории греческих государств периферии эллинского мира Малой Азии, Сицилии, Фракии, причем характер взаимодействия эллинских полисов с окружающим их местным населением во многом определялся социально-экономическим развитием последнего. Так, довольно высокий уровень социально-экономического развития синов обусловил их ранние связи с античным миром, наоборот — невысокий уровень развития тавров определил слабую экономическую связь их с Херсонесом. Основной особенностью контакта северопонтийских полисов с местным населением было то, что это был контакт эллинских полисов с обществом, менее развитым в социально-экономическом отношении по сравнению с обществом древних цивилизаций Востока, входившим в эллинистические монархии. Менее развитыми оставались сиудо-меотские племена и в годы правления Спартокидов.

По мнению В. Д. Блаватского, социально-экономическая структура Боспора складывалась из двух основных элементов: 1) полисов с их хорой, хозяйство которых было основано на античной системе рабовладения, и 2) обширных земель (на азиатской

¹ «Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1952», BCH, LXXVII (1953), № 2, стр. 216.

стороне Боспора), принадлежавших местным племенам, социально-экономический строй которых характеризовался ведущей ролью в производстве полусвободного общинника-земледельца и наличием стоявшей над ним племенной знати, располагавшей некоторым числом рабов. Верховным собственником этих земель был правитель Боспора. Положение синдо-меотского землепашца в составе боспорского государства отличалось от земледельцев-арендаторов птолемеевского Египта. В силу различий между греческим и негреческим населением эллинистических монархий, с одной стороны, и государства Левкона I, с другой, последнее не было столь же сильно развитым политическим образованием, а государственная власть в областях, занятых населением Прикубанья, по всей видимости, не имела такого сложного бюрократического аппарата. Таким боспорское государство оставалось и после Левкона I. Коль скоро социально-экономическая структура Боспора была менее развита, чем в эллинистических государствах, а монархия, близкая по типу эллинистическим, сложилась на Боспоре на полстолетия ранее, чем монархии диадохов, Боспор можно назвать протоэллинистическим государством.

Касаясь предпосылок возникновения и развития государства эллинистического типа на Боспоре, докладчик провел аналогию между большими волнами греко-македонских переселенцев в Восточное Средиземноморье, связанными с греко-македонской экспансией, с одной стороны, и значительным количеством греков, переселявшихся в IV — III вв. до н. э. в Северное Причерноморье, во всяком случае в Пантикапей. Эти переселенцы способствовали росту старых и возникновению новых (Киммерида на азиатской стороне Боспора, Горгишия) северопонтийских городов. Одновременно города пополнялись представителями местных племен.

Эллинистические государства как Средиземноморья, так и Причерноморья, сводятся к двум типам: 1) большие монархии с греческими городами и местной хорой, в которых античный способ производства совмещался с централизованным хозяйством (царскими монополиями), и 2) полисы, в которых в значительной мере сохранялся прежний экономический уклад, но усиливалось имущественное неравенство. Боспорское государство, относясь к первому типу, по большой роли в нем отдельных полисов, сближается с Пергамом, а в смысле большого значения земледелия — с Египтом.

В докладе был изложен значительный материал, доказывающий превалирование в экономике Боспора времени ранних Спартокидов сельского хозяйства над ремеслом и большую роль царского хозяйства и монополий.

Ко второй группе государств (полисов) Северного Причерноморья принадлежали Ольвия и Херсонес. Как в метрополии, так и на Южном, Западном и Северном побережье Понта греческие города-государства в период эллинизма испытывали некоторый застой и упадок. Особенно наглядно это можно видеть на примере Ольвии. С периодом эллинизма связано дальнейшее расширение в странах древнего мира античной формы рабовладения, сочетания ее с местными формами эксплуатации зависимого населения, а также процесс значительного социального расслоения и имущественного неравенства среди свободного населения, особенно усилившийся во II в. до н. э. Именно этим следует объяснить наличие в Ольвии богатых построек этого времени. Аналогичный процесс имел место и в Херсонесе, в начале II в. до н. э. О значительной имущественной дифференциации на Боспоре в IV—III вв. до н. э. свидетельствует, например, богатый курганный могильник Пантикапея. На сельскохозяйственных территориях Керченского полуострова во II в. до н. э. происходило укрупнение земельной собственности, а в III — II вв. до н. э., перестройка боспорской экономики вызывалась сокращением хлебного экспорта под влиянием конкуренции египетского хлеба и выразилась она не только и не столько в усилении работорговли (Б. Н. Граков) и виноделия (В. Ф. Гайдукевич), сколько в развитии скотоводства и вывоза скота за счет сокращения хлебопашества. На азиатской стороне Боспора полисная часть хоры составляла лишь небольшую территорию, а положение земель, занятых синдо-меотскими племенами, было более статичным; кризис рабовладельческой системы на Боспоре, завершившийся восстановлением Савмака, здесь, видимо, не проявился.

В период эллинизма усиливается контакт эллинских элементов с местными,

что выражается в более оживленной торговле, в культурном взаимодействии, синкретизме в религии и искусстве. Наблюдаются более интенсивные связи стран Средиземноморья и Причерноморья. В области политической теории и философии это иллюстрируется примером Стоика Сфера Борисфенита и единством идеологических предпосылок рабских восстаний Аристоника и Савмака. Контакт местных и эллинских элементов в известной мере способствовал развитию первых. Это нашло выражение в появлении новых и обновлении старых государственных образований, где античные элементы были подчинены местным (Бактрия, Парфия; Скифское царство III — II вв. до н. э.), а также в усилении роли местных элементов в античных государствах Передней Азии и Причерноморья. Так, боспорское государство времени Спартокидов, будучи античным, по роли в нем местного населения, было промежуточным между античным и «варварским» миром. Для «варварского» мира таким же государством было царство крымских скифов.

В заключение В. Д. Блаватский отметил, что античный мир Восточного Средиземноморья и Северного Понта испытал во многом сходные изменения, почва для более раннего возникновения эллинистического государства на Боспоре была подготовлена давними взаимоотношениями боспорских городов с синдами. Кризис рабовладельческой системы, наблюдаемый в ряде стран Восточного Средиземноморья к концу периода эллинизма, затронул и Северное Причерноморье, вылившись на Боспоре в восстание рабов. С конца эллинистического периода на Боспоре наблюдается нивелировка прежней социально-экономической и культурной пестроты, усиление центральной власти, большая военизация государства. Внутренние противоречия в Ольвии и Херсонесе и внешние опасности привели эти полисы в орбиту Римской империи.

Отвечая на ряд поставленных вопросов В. Д. Блаватский уточнил и развил некоторые положения доклада. По его мнению, наличие монархической власти для государств эллинистического типа не обязательно, но является характерной чертой. По мнению В. Д. Блаватского, процесс классового образования у синдов, завершаемый созданием у них государства, оформляется в последние десятилетия V в. до н. э.; происходит вхождение синдской знати в боспорское государство, с чем связано происхождение династии Спартокидов. На вопрос о понимании «протоэллинистического» характера боспорского государства докладчик подчеркивает не столько хронологическую категорию, сколько внутреннее содержание, выразившееся в том, что на Боспоре IV — II веков до н. э. социально-экономические отношения были менее развитыми. В. Д. Блаватский считает, что нужно отказаться от положения С. А. Жебелева о постепенном экономическом увядании Боспора с начала III по конец II в. до н. э., ибо экономический спад происходил не плавно, а скачкообразно. Термин С. А. Жебелева «внутренняя колонизация» Боспора не покрывает сложности явления, поскольку в новых городах Боспора селились не только боспорские жители. Сарматы до I в. до н. э. не играли большой роли в социально-экономическом развитии Боспора, хотя диффузия сарматского населения на Таманский полуостров имела место и ранее.

В своем выступлении И. Б. Зеест, соглашаясь с докладчиком по большинству основных вопросов, не согласилась с употреблением докладчиком термина «протоэллинистическое государство», против чего возражали и другие выступавшие. И. Б. Зеест привела данные о большом различии в характере импорта и направлении боспорской торговли, с одной стороны, конца V в., с другой — второй четверти и середины IV в. до н. э. По ее мнению, нельзя видеть в конце IV в. до н. э. грань в развитии северопричерноморских государств, как это сделано в макете II тома «Всемирной истории». И. Б. Зеест считает уязвимым положение докладчика о возникновении новых городов на Боспоре в эллинистическое время; приводимый в докладе в качестве примера новых городов Киммерик на Фанталовском полуострове был небольшим местным центром, а Горгинпия, вероятно, возникла в VI в. до н. э.

И. Т. Кругликова подчеркнула трудность исследования вопроса в связи со скудостью письменных источников. Несмотря на большой археологический мате-

риал, приведенный в докладе, следовало шире использовать данные нижнеднепровских поселений, окрестностей Ольвии и Истрии. Не возражая против основных положений докладчика, И. Т. Кругликова внесла ряд существенных дополнений. В частности, по ее мнению, правильное положение В. Д. Блаватского о росте городов в начале эллинистического периода на Боспоре IV века до н. э. иллюстрируется превращением местных поселений на Нижнем Дону в города, что не связано с колонизацией. То же происходит в Киммерике, где из двух поселений выживает одно и вырастает город в IV в. до н. э. На материале раскопок сельских поселений на Керченском полуострове, проведенных под ее руководством, И. Т. Кругликова подкрепила положение докладчика об изменении соотношения хлебопашества и скотоводства в III — II вв. до н. э., поскольку сельскохозяйственные поселения во II в. до н. э. прекращают свое существование. И. Т. Кругликова считает, что государственные (царские) монополии охватывали наиболее трудоемкие и дорогостоящие отрасли производства, например производство черепицы.

К. К. З е л ь и н отметил, что доклад В. Д. Блаватского и его предшествующая работа в этом направлении по широким обобщениям и способу доказательств выходит за рамки исследования для узкого круга специалистов и представляет общен исторический интерес. Проблема предистории эллинизма, выдвинутая еще в конце XIX в., поднята докладчиком на материале Северного Причерноморья. Не возражая против большинства отдельных сопоставлений фактов из истории Северного Причерноморья и Средиземноморья, приведенных докладчиком, К. К. Зельин указал что термин «протоэллинистический» может ввести в известной мере в заблуждение, поскольку В. Д. Блаватский при этом имеет в виду структуру, а между тем этот термин соединяется с вопросом хронологической последовательности. Нельзя оставить без внимания также и вопрос о том, повлияли ли на Северное Причерноморье общие перемены, связанные с походом Александра Македонского и последующим возникновением эллинистических государств. По мнению К. К. Зельина, Северное Причерноморье не осталось в стороне от этого общего движения, а потому нельзя рассматривать изолированно те или иные процессы, происходящие в этот период в государствах Северного Причерноморья. Так, нельзя решать проблему о положении Ольвии в III в. до н. э., об имущественной дифференциации ее населения изолированно от взаимоотношений Ольвии со средиземноморским миром. По мнению К. К. Зельина, данных для полного ответа на поставленные вопросы еще недостаточно. Мало данных и о положении местного населения, что отразилось в докладе. Недостаточны сведения и о росте имущественной дифференциации в III в. до н. э., ибо наличие бедняков и богачей хорошо известно, но это еще далеко не достаточное свидетельство для утверждения о самом процессе развития имущественного неравенства. К. К. Зельин обратил внимание на соотношение данных источников и последующих заключений доклада и на формулировку докладчиком обобщающих выводов. Он указал также на преждевременность общего вывода докладчика об общем кризисе рабовладельческой системы на Боспоре во II в. до н. э. К. К. Зельин считает, что на основании только косвенных данных трудно еще говорить о росте крупного землевладения на Боспоре в III—II вв. до н. э. и сравнивать этот процесс с тем же процессом в Италии, хотя докладчик и делает в этом отношении ряд оговорок. К. К. Зельин возразил против сравнения дани, платившейся Ольвией скифским царям, с фороном, который платили «союзники» афинской *ἀρχή*; он выразил также несогласие с мнением докладчика о большей роли полисов в боспорском государстве, чем в царстве Селевкидов; по его мнению, в докладе преувеличена роль полисов в Пергаме. Данные в области связи философских и политических теорий Средиземноморья и Северного Причерноморья К. К. Зельин считает недостаточными для широких выводов.

Н. Н. П о г р е б о в а отметила, что докладчиком убедительно показаны черты, свидетельствующие о наличии периода эллинизма в Северном Причерноморье, особенно наглядно это сделано для Боспора. Соглашаясь с мыслью В. Д. Блаватского о меньшей роли самостоятельных полисов Северного Причерноморья (Ольвия, Херсонес) в эллинистический период, Н. Н. Погребова считает необходимым развить этот тезис,

указывая, что развитие торговли с эллинистическими центрами, резкая социальная дифференциация, стремление к созданию более широкого государственного объединения также дают возможность считать и Ольвию и Херсонес III — I веков до н. э. государствами эллинистического типа. Однако Н. Н. Погребова высказала сомнение в возможности относить скифское государство в Крыму к числу эллинистических государств, на том основании, что в последних большую роль играли греческие полисы, в скифском государстве полисов не было, а связь Ольвии с государством Скилура вряд ли была тесной. Неаполь как город имеет иной характер, чем греческий полис, в нем ремесло играло небольшую роль. В скифском государстве не было также волн греческих переселенцев, что В. Д. Блаватский считал характерным при создании эллинистических государств.

М. М. К о б ы л и н а выразила согласие со всеми основными положениями доклада. Период второй половины IV в. — III в. до н. э. она считает расцветом эллинизма на Боспоре, что связано с ростом городов, развитием производства, близостью ряда форм боспорской и средиземноморской культуры и искусства. Главной особенностью культурного развития Боспора в эллинистический период является большое значение местных черт, выразившееся в росте синкретизма в культуре и искусстве, в появлении специфических видов строительства (уступчатые склепы), находящихся свои истоки в местной архитектуре. Особенностью эллинизма на Боспоре М. М. Кобылина считает большое значение земледелия и тот факт, что боспорское государство образовалось не в результате распада монархии Александра Македонского и кризиса полиса, а путем объединения отдельных городов ввиду опасности внешних нападений и ряда экономических выгод. Устойчивость боспорского государства и его границ, в противоположность неустойчивости эллинистических государств Восточного Средиземноморья, объясняется эллинизацией местных племен и тесной их связью с городами.

Н. И. С о к о л ь с к и й отметил важность постановки вопросов о развитии городов, о движении населения, об изменении соотношения торговли, ремесел и сельского хозяйства, а внутри сельского хозяйства между хлебопашеством, скотоводством и виноградарством. В докладе дана социально-экономическая структура Боспора, однако, для Керченского полуострова это сделано менее подробно, чем для азиатской части Боспора. Большинство положений В. Д. Блаватского не вызывает возражений, несмотря на новизну ряда из них, но некоторые вопросы требуют дополнений и вызывают критические замечания. Указывая, что местные племена Боспора были обществом более молодым, чем коренное население восточноэллинистических монархий, докладчик считает, что и местные племена Прикубанья остались на той же ступени социально-экономического развития, как во время включения их в боспорское государство, так и после. Между тем включение этих племен в состав Боспора значительно ускорило процесс их социально-экономического развития. Трудно согласиться с докладчиком, проводящим аналогию между греко-македонской экспансией на восток и притоком населения из Средиземноморья на Боспор в IV в. до н. э. Если результаты этих двух групп движений населения могли вызвать сходные явления, то характер их совершенно иной, поскольку движение греко-македонцев представляло собой прежде всего военную экспансию, различен и этнический состав переселенцев. Необходимо уточнить вопрос о соотношении хлебопашества и скотоводства на азиатской стороне Боспора, где это соотношение не претерпело, видимо, таких изменений, как на Керченском полуострове, а также и о составе населения Керченского полуострова. Нечетко определены конец и внутренняя градация эллинистического периода в Северном Причерноморье. Возможно, внутренняя градация эллинистического периода в Северном Причерноморье следует разбить на три этапа: 1) со второй четверти IV в. до середины III в. до н. э., 2) середина III — конец II в. до н. э., 3) конец II в. до н. э. — последняя четверть I в. до н. э.

В докладе следовало больше внимания уделить вопросу о роли войн, поскольку, в период эллинизма увеличиваются количество и размеры военных столкновений роль и величина армий. Эти явления можно наблюдать и в Северном Причерноморье, особенно на Боспоре, который использует наемников.

А. И. Болтунова отметила, что доклад В. Д. Блаватского имеет большой теоретический интерес и далеко выходит за рамки выяснения особенностей эллинистической эпохи в Северном Причерноморье. А. И. Болтунова выразила мнение, что по вопросу о сущности эллинизма в целом, вопреки мнению докладчика, не пмеется единомыслия среди советских историков. Одни историки считают предпосылкой эллинизма греко-македонское завоевание, однако на Боспоре оно отсутствовало; между тем боспорское государство III — II вв. до н. э. имеет все черты, присущие эллинистическому обществу. В этой связи совершенно необходимо четко представлять, что же, собственно, нужно считать предпосылками эллинизма. А. И. Болтунова считает, что эллинизм является результатом взаимодействия развитого классового общества и тех племен, которые входят в военные и административные объединения, создаваемые в результате завоеваний или каких-либо других причин; при этом не обязательно, чтобы одним из элементов этого взаимодействия было греческое античное общество. Ранним пределом эллинизма на Боспоре следует считать, по ее мнению, завоевания, имевшие место при объединении греческих городов и включении племенных территорий в военно-административное объединение, каким стал в то время Боспор. В связи с этим А. И. Болтунова предполагает, что принятие Евмелом царского титула было вызвано не только победой местной родоплеменной знати, но и фактическим созданием военно-административного объединения. А. И. Болтунова ставит вопрос о том, не следует ли считать имеющими более широкие перспективы развития те общества, где полузависимое крестьянство являлось основной производящей силой, во всяком случае по своей численности, ибо такие государства не стали добычей Рима, в них раньше завершился процесс образования народности и раньше начали складываться феодальные отношения. Касаясь частных вопросов, А. И. Болтунова считает комархов на Боспоре не представителями знати, как то думает докладчик, а сельскими старшинами из среды самих общинников. Области, населенные местными племенами, подпавшими под власть Селевкидов, по мнению А. И. Болтуновой, нельзя считать *χωρα βασιλική*.

В заключительном слове В. Д. Блаватский отметил, что, возможно, не следовало применять термин «протоэллинистический»; вместе с тем он снова подчеркнул возникновение новых городов на Боспоре в IV в. до н. э. Отвечая на замечания Н. К. Зельяна, докладчик согласился с тем, что по ряду исследуемых им вопросов еще недостаточно источников; что мало сведений он привел также о тех изменениях, которые характерны для Средиземноморья этого периода, и о той связи, которую можно проследить между Средиземноморьем и Северным Причерноморьем, так же как он не привел параллелей для истории Ольвии. Вместе с тем В. Д. Блаватский подчеркнул реальность своей гипотезы об одних и тех же идеологических предпосылках рабских восстаний в Средиземноморье и на Боспоре. Отвечая на замечание Н. И. Сокольского о социальной и этнической структуре европейской части Боспора, В. Д. Блаватский отметил, что в этой части Боспора не было племен, сохранивших свою племенную структуру и вошедших в боспорское государство; европейская часть Боспора представляла собой хоры полисов, а в этническом отношении состав населения был пестрым, хотя состоял преимущественно из местных жителей Северного Причерноморья. Только неточность редакции, по мнению В. Д. Блаватского, дала возможность упрекнуть его в представлении о статичности в развитии местных племен. Опираясь на данные Страбона и Полиена, В. Д. Блаватский не согласился с толкованием А. И. Болтуновой термина «комарх», отметив, что социальное положение комархов на Боспоре было иным, чем в Египте.

Подводя итоги дискуссии, А. П. Смирнов указал на важность изучаемого вопроса, ценность исследования и интерес нарисованной в докладе картины, хотя и не доказанной во всех своих частях. В дальнейшем необходимо проводить такие дискуссии с привлечением большого числа историков, организовав публикацию статей и своевременную информацию.

Н. И. Сокольский